

Людмила Карпенко (Lyudmila Karpenko)

 <https://orcid.org/0000-0002-8432-1164>
liudmila.karpenko.53@mail.ru

Пространственность как семантико-грамматическая особенность русского языка (в сравнении с болгарским языком)

Spatiality as a Semantic and Grammatical Feature of the Russian Language in Comparison with Bulgarian

Резюме

В статье рассматривается языковая концептуализация пространства в русском языке. Актуальность статьи обусловлена важностью сопоставительного изучения специфических черт русского языка.

Цель статьи – проследить степень выраженности локальности в сравнении с болгарским языком. Привлекается материал Национального корпуса русского языка и Болгарского национального корпуса, переводных текстов и словарей. Пространственность русского языка рассматривается как семантико-грамматическая доминанта, выявляемая на разных языковых уровнях.

В исследовании использованы системный, сопоставительный и функциональный методы. Эффективность и актуальность названных методов связана с возможностью предметно представить при комплексном подходе специфические черты русского языка в выражении пространственности, показать данную категорию как семантико-грамматическую доминанту русского языка, которая проявляется как в системе языка на разных уровнях, так и в речи. Более явная выраженность ее в сравнении с болгарским языком прослеживается при сопоставительном анализе на уровнях фразеологии, грамматики и текста.

Показано, что русский язык в совокупности своих выразительных средств фиксирует внимание на пространственной картине мира с максимальной экспликацией и детализацией реальных предметно-пространственных отношений, содержащихся в ситуации. Выявленные на русском и болгарском материале различия в языковой интерпретации пространства обусловлены как внеязыковыми, так и собственно языковыми факторами – особенностями системных свойств языков, их лексико-грамматическими ресурсами и типологическими характеристиками.

Отмечено значение проведенного исследования для теории и практики преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: русский язык, болгарский язык, пространственность, семантико-грамматическая доминанта, грамматическая концептуализация.

Summary

The article deals with the linguistic conceptualization of space in the Russian language. The relevance of the article is due to the importance of studying the specific features of the Russian language.

The aim of the article is to trace the degree of expressiveness of locality in comparison with the Bulgarian language. The material used comes from the National Corpus of the Russian language, the Bulgarian National Corpus, translated texts, and dictionaries. Spatiality in the Russian language is considered a semantic-grammatical dominant, revealed at different linguistic levels.

The study uses systemic, comparative, and functional methods. The effectiveness and relevance of the named methods is connected with the possibility to present the specific features of the Russian language in the expression of spatiality in a comprehensive approach, to show this category as a semantic-grammatical dominant of the Russian language, which is manifested both in the language system at different levels, and in speech. Its more explicit manifestation in comparison with the Bulgarian language is traced in the comparative analysis at the levels of phraseology, grammar, and text.

It is demonstrated that the Russian language in the totality of its expressive means draws attention to the spatial picture of the world with maximum explication and detailing of real object-spatial relations contained in the situation. The differences in the linguistic interpretation of space, revealed in the Russian and Bulgarian material, are due to both extra-linguistic and linguistic factors – the peculiarities of the system properties of the languages, their lexico-grammatical resources, and typological characteristics.

The significance of the study for the theory and practice of teaching Russian as a foreign language is noted.

Keywords: Russian, Bulgarian, spatiality, semantic-grammatical dominant, grammatical conceptualization.

Естественные языки в разной степени и по-разному отражают такие онтологические категории, как пространство и время, поскольку в них преломляются разные особенности восприятия мира, свойственные носителям. Лингвистический аспект концептуализации (и категоризации) пространства состоит в определении степени его «присутствия» в языковой картине мира и выраженности в языковых средствах. При сравнении языков в этом плане можно обнаружить много своеобразного. Примечательно, что носители недавно открытого языка пираха не могут точно выразить, с какой стороны – справа или слева – что-то находится, так как в этом языке отсутствуют обозначения сторон, ориентация определяется по отношению к ориентиру, обычно по отношению к реке, и понятий правого и левого нет (Эверетт, 2016,

232–233). Случай с языком пираха особенный, но своеобразие языковой концептуализации пространственных отношений дает возможность наблюдать даже развитые языки, и притом родственные. Такими чертами языкового своеобразия и определяется специфика языковой картины мира, понятие о которой, как известно, восходит к идеям В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка (Humboldt, 2019), к идее Э. Сепира о символизации опыта как важнейшей функции языка (Sapir, 1921, 101–105) и к гипотезе лингвистической относительности Сепира – Уорфа. Не только отражение ситуации, но и грамматические характеристики слов, как показал Уорф, связаны с различиями восприятия и «членения» мира (Уорф, 1960, 178). О языковой картине мира лингвисты говорят сегодня как о заключенном в языке мировидении. «Язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» (Телия, 1996, 135). Ю.Д. Апресян в связи с этим пишет:

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира... Свойственный языку способ концептуализации действительности (взгляд на мир) отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков (Апресян, 1995, 350–351).

Концептуализация – это осмысление реальности, информации в понятийной системе, свойственной данному языку, и оформление этих представлений в средствах разных языковых уровней. Обычно понятие *языковая концептуализация* применяется по отношению к означиванию смыслов или оценок лексическими и фразеологическими средствами. Лингвистический эффект различий концептуализации состоит в характере отраженного *языкового взгляда*. Покажем некоторые особенности русского языка на фоне родственного болгарского языка. Скорое наступление морозов русские обозначают фразеологизмом *зима на носу*, а болгары – выражением *зимата е под носа*. Наглядно различие интерпретации пространственной ситуации иллюстрируют примеры с русским предлогом *За* и болгарским *Пред*, которые по исходному значению являются антонимами: русск.: *Брат мой Василий, сидя у себя в канцелярии, мечтал о том, как он будет... сидеть часами за воротами на лавочке и глядеть на поле и лес* (Чехов, *Крыжовник*). – болг.: *Той ще седи по цели часове на пейката пред вратата и ще се любува на полето и гората* (пер. Христова). Эти примеры показывают возможность интерпретации одной и той же ситуации с учетом позиции говорящего в русской речи и без учета позиции говорящего (ориентация относительно объекта) – в болгарском (Карпенко, 1988, 13–17).

В русской речи в значении ‘заниматься чем-либо’ устойчиво воспроизводятся формы творительного падежа с предлогом *за*: *сидеть за роялем /*

за мольбертом / за пяльцами; в болгарском языке конструкции с предлогом *пред*: *седя пред рояла / пред молберта / пред гергефа*. Ср. также следующие примеры с предлогом *пред* из Болгарского национального корпуса, которым в русском языке будут соответствовать выражения с предлогом *за*: *...той дълго време седя пред бюрото... – он долго сидел за письменным столом; ... сега би трябвало вече да седя пред пишещата машина – сейчас надо было бы уже сидеть за пишущей машинкой; ...седя пред шахматната дъска – сидел за шахматной доской; ...той седя пред телефонния апарат и телефонираше – он сидел за телефонным аппаратом и звонил и под.*

Менее очевидны, чем специфика лексико-фразеологических ресурсов, те языковые различия, которые связаны с концептуализацией мира на грамматическом уровне. Грамматические категории являются наиболее обобщенными языковыми знаками различных аспектов реальности, представление о которых формировалось в практике когнитивного освоения мира на протяжении длительного времени. Различия в оформленности функционально-грамматических категорий имеют более абстрактный, и менее наглядный характер.

Изучение этнокультурных особенностей концептуализации мира в языке все больше привлекает лингвистов. В исследованиях русской языковой картины мира, выявлен ряд семантических доминант, таких, как *эмоциональность, неконтролируемость* (Вежбицкая), *неопределенность* (Арутюнова, Падучева) и др. Сегодня уже не оспаривается то, что картины мира разных языков различаются. Очевидно, что любой язык заключает в себе оригинальный взгляд на мир, и особенности его концептуализации, в значительной части универсальные, в каких-то моментах, которые могут быть проявлены на любом языковом уровне, включая уровень грамматический, – национально специфичны. Грамматические доминанты, как и семантические, представляют собой концепты, но концепты, характеризующиеся большей абстрактностью. В отличие от семантических доминант они имеют стереотипные формы реализации в конкретном языке, т.е. они заключены в грамматических, функционально-грамматических категориях и получают выражение в системах грамматических средств.

Для русского языка, по нашим наблюдениям, помимо перечисленных семантических доминант, характерна еще и пространственная доминанта. Не только пространственность подробно детерминируется языковыми средствами разных уровней (ср. высказывание: *Мы выходили из дому и спускались с горы на равнину, туда, где разливалась и ширилась река*, в котором задействованы средства морфемного, словообразовательного, лексического, морфологического, синтаксического уровней), но данная понятийная категория служит основой, как в других славянских языках, для оформления иных сфер (временной, причинной, целевой, сферы восприятия, характеристики ментальной деятельности человека и др.). Время действия выражается моделями конструкций на основе пространственных предлогов (*с зимы, до зимы,*

к зиме, в зиму, перед зимой), цель может передаваться моделями, подобными по структуре директивным конструкциям (*готовиться к свадьбе, ехать на свадьбу*), а причина – предложно-именными конструкциями с предлогами удаления: *с горя, из ревности, от ревности, из-за ревности* и т. д.

Если говорить об отражении пространства в русском языке, то, по нашим наблюдениям, в совокупности своих выразительных средств русский язык фиксирует заостренное внимание на пространственной картине мира, которую он моделирует с подчеркнутой конкретизацией реальных предметно-пространственных отношений. В чем это выражается?

1. Русский язык располагает богатой системой средств выражения пространственной семантики, представленных на всех языковых уровнях.

Это и многообразные лексические и словообразовательные единицы разных частей речи: *верх, низ, даль, ширь, высь, безбрежность, беспредельность, простор, пространство, раздолье, высота, бесконечный, безграничный, безбрежный, неограниченный, удаленный, близко, далеко, вдалеке* и т. д.

В грамматическом строе языка имеются системно организованные парадигмы средств, специализированных в выражении пространственных отношений. Это придаточные предложения со значением места и предложно-падежные формы. Покажем далее, в чем конкретно состоит специфика грамматического оформления категории пространственности в русском языке.

1. Предложно-падежные формы с пространственным значением в современном русском языке имеют строгую, закономерную организацию, которая заключается в следующем:

Падеж, не маркированный в выражении пространственности определенного типа, сочетается в предложно-падежных формах с сильными, маркированными, предлогами. Так, сам Род. п. не указывает на тип локальности, им обозначается ориентир, по соотношению с которым определяются пространственные отношения. Конкретный тип локальности маркируется предлогами:

– *с, из, из-за, из-под, от* – при выражении разных аспектов значения удаления от ориентира: *он поднялся с сугроба; ель возвышалась из сугроба; из-за сугроба выбежал зверь; из-под сугроба торчала еловая ветка; он шел от сугроба к сугробу;*

– *вдоль, мимо, вокруг, около, возле, вблизи, у* – при выражении разных аспектов значения нахождения или движения вблизи ориентира: *машина ехала вдоль проспекта; машина проехала мимо площади; машина проехала вокруг площади; машина остановилась около (возле, вблизи, у) площади;*

– *до* – при выражении значения достижения ориентира как предела движения: *машина доехала до площади.*

И наоборот: слабый предлог, не маркированный в выражении определенного типа пространственного значения, сочетается в предложно-падежных формах с сильным (маркированным) падежом. Слабыми можно считать

предлоги *В* и *На*, которые могут использоваться при выражении значений как направления (куда?), так и места (где?). На конкретный тип этих пространственных отношений указывают падежи – винительный и предложный: *приехал в город, приехал на площадь; жил в городе, жил на площади*.

Таким образом, в любой пространственной предложно-падежной форме современного русского языка есть по крайней мере один маркированный член: *в страну – в стране – до страны – из страны – около страны*. В целом же любая предложно-падежная пространственная конструкция русского языка является автосемантической, т.е. самодостаточной грамматической единицей, способной в отрыве от контекста обозначать, в выражении какого из трех типов категориальных пространственных отношений куда? – где? – откуда? она участвует.

В системе морфологических средств основные пространственные предложно-именные конструкции русского языка образуют симметричную парадигматически организованную систему моделей специализированных в выражении одного из трех типов локальных отношений: места действия, направления перемещения от ориентира, направления перемещения к ориентире. Не во всех индоевропейских, и даже славянских, языках имена дифференцируют эти очевидные для носителей русского языка значения. Ср. формы при выражении направления и места: русские *в страну – в стране, в город – в городе* и болгарские *в страна / страната – в страна / страната, в град / града – в град / града*. Как во французском языке, где предложно-именная конструкция *a conduit en ville* может передавать значения и места и направления – *ехал в городе – ехал в город*, в болгарском языке вследствие аналитизма имени предложно-именная конструкция в отрыве от контекста не дифференцирует эти различия, ср., например:

Бил, казват, в Америка, в град Мадисон – «был где?» (Калчев, *При извора на живота*). – *Всички са ходили в Америка и все в този град Мадисон – «ездили куда?»* (Калчев, *При извора на живота*); *Човекът седеше на високя бряг – «сидел где?»* (Вежинов, *Втората рота*). – *Двата се изкачиха на брега – «поднялись куда?»* (Вежинов, *Втората рота*).

2. Пространственная доминанта русского языка в синтаксисе проявляется и в распространенности бытийных предложений (Арутюнова, 1976) с пространственными детерминантами. В сравнении с русским языком во многих языках такие пространственные определители чаще отсутствуют или, наряду с обстоятельственными в них используются структуры с субъектной, временной или определительной семантикой. Покажем типичные примеры в русском языке и их соответствия в английском, французском, болгарском и польском языках:

На дворе двадцать первый век. To jest dwudziesty pierwszy wiek (польск.); *This is the twenty-first century = It's the twenty-first century* (англ.); *Nous sommes au XXIe siècle* (фр.); *Това е двадесет и първият век* (болг).

Но теперь **на дворе** век Интернета. *Ale teraz jest to era Internetu* (польск.); *But now it is the age of Internet* (англ.); *Mais c'est maintenant l'ère de l'Internet* (фр.); *Обаче сега е епохата на Интернет / Обаче сега живеем в дигитална епоха и под.* (болг.).

Ведь **на дворе** век компьютеров и европейских стандартов; *W końcu to jest era komputerów i europejskich standardów* (польск.); *After all, this is the age of computers and European standards* (англ.); *Après tout, c'est maintenant l'âge des Ordinateurs et des normes européennes* (фр.); *Нима сега е ерата на компютрите и европейските стандарти* (болг.).

Не думал, что **на свете** есть столько начальников; *Nie zdawałem sobie sprawy, że jest tylu szefów* (польск.); *I didn't think there were so many bosses in the world* (англ.); *Je ne pensais pas qu'il y avait autant de patrons* (фр.); *Никога не съм предполагал, че съществуват толкова много началници* (болг.).

Исследование параллельных русского и болгарского подкорпусов Национального корпуса русского языка показывает, что соотношение таких примеров с выраженной идеей пространства в русском тексте и нулевым выражением в болгарском может достигать в отдельных выборках 30–33% случаев. Можно проследить, в каких случаях наблюдается такое соотношение. Рассмотрим на примере **на дворе** соответствия русским высказываниям.

Параллелизм употребления **на дворе** и болгарского **на двора** наблюдается, когда речь идет о конкретном пространственном объекте. Весьма частые расхождения отмечаем в случаях, когда русское выражение **на дворе** метонимически обозначает среду вне жилища на открытом воздухе, на природе, как место сезонных, погодных, температурных, световых, звуковых иных состояний и место проявления времени:

Вот уж октябрь на дворе, зима на носу... (Тургенев, Накануне). – *Ето вече е октомври, зимата е под носа ни* (пер. Константинова).

Подписал приказ – шесть часов и за ворота выгнать... А на дворе – ноябрь (Солженицын, Один день Ивана Денисовича). – *Подписа заповед – шест часа и да ме няма... Пък беше ноември* (пер. Райчева).

Год на дворе – одна тысяча девятьсот тридцать седьмой (Суворов, Контроль). – *А работата става през хиляда деветстотин трийсет и седма* (пер. Мисиркова).

Параллельно с русскими пространственными обстоятельственными конструкциями в болгарском тексте часто используются структуры с субъектной, временной или определительной семантикой:

В голове мутнело (Приставкин, Ночевала тучка золотая). – *Главата ти се размътваше* (пер. Петрова).

В ушах шумит, в голове шумит, как будто от хмеля (Гоголь, Страшная месть). – *Ушите му шумят, главата му шуми като от пиянство* (пер. Константинова);

Сижу на лавочке, в коленках пусто, в голове пусто, в душе пусто, знай себе глотаю крепкое как воду (А. Стругацкий, Б. Стругацкий, *Пикник на обочине*). – *Седя на пейката с омекнали колене, с празна глава, с празна душа и гълтам ли, гълтам алкохола като вода* (пер. Асадурова).

Алекси ... застава с празна глава пред прозореца (Вежинов, *Белият гущер*). – *Алекси ... остановился у окна. В голове было пусто* (пер. Лихачевой) и др.

II. Характерной особенностью русской речи является максимальная экспликация пространственных отношений, содержащихся в ситуации. Проявление этой особенности можно видеть в избыточности употребления единиц пространственной семантики в речи. Показательны побудительные реплики типа: *Поддай сюда! Пойди сюда (отсюда, вон, прочь)! Положи (сядь) на место! Садись за стол!* и под. В них регулярно используются локализаторы, определяющие предметно-пространственную ситуацию речевого акта. Насколько часто обнаруживает себя такая избыточность единиц пространственной семантики можно видеть при сравнении параллельных оригинальных и переводных текстов. Для сравнения ниже приведены фрагменты из повести болгарского прозаика К. Калчева *При извора на живота* и его перевода на русский язык, выполненного Н. Гленом. В переводном тексте выделены избыточные по сравнению с болгарским оригиналом пространственные маркеры *с места, к нам, в воздухе*:

Като лежах и се унасях в мечти по брат си, изведнъж чувам – някой хлопа на вратата. Скочих като ужилен и погледнах. На пътната врата стояше кметът и чукаше с бастуна си... Аз стоя вцепенен по средата на мораватаи не смея да помръдна. Защо иде?.. Той извади от джоба си една хартийка, отвори я и я размаха: «Телеграма...» (К. Калчев, *При извора на живота*).

Так я лежал, размечтавшись о брате, и вдруг слышу – стучат в ворота. Я вскочил как ужасенный. Вижу – у ворот стоит староста и колотит своей палкой... Я застыл посреди лужайки и не смею двинуться с места. Зачем он к нам идет?.. Он вытаскивает из кармана бумажку, разворачивает ее и размахивает в воздухе: «Телеграмма...» (пер. Глена).

III. Концептуализация пространственности как семантико-грамматической доминанты русского языка служит организующей схемой оформления мысли, своеобразной матрицей, формирующей и отражающей взгляд на мир. Эта пространственная матрица проявляется не только в речевой практике носителей русского языка, но и в индивидуально-авторских картинах мира. Так, по нашим наблюдениям, пространственная изобразительность является характерной особенностью художественного языка лирики И. Бунина. Наиболее распространенные языковые маркеры пространства в лирике И. Бунина связаны с образами полей, далей, сте-

пей, простора. Самые частотные среди них – *в полях, с полей, над полями, по полям, за полями, в поля, на поля*. Другие частотные пространственные лексемы: *степь, межа, долина, равнина, пустыня*; пространственные наречия: *кругом, вокруг, здесь, всюду, где, куда, сюда, вверх, вниз*; указания на стороны света – *на севере, к югу, на юг, на восток, с востока, на западе*. В зрелом творчестве поэт активно использует в качестве средства художественной выразительности пространственные предложно-падежные формы, которые и являются в русском языке основным средством выражения пространственных отношений. По нашим наблюдениям они используются в 90,4% случаев выражения пространственных отношений в русском тексте (Карпенко, 1984). В коротком стихотворении *Ту звезду, что качалась в темной воде...* пространственная ориентация выражена именно предложно-падежными формами с семикратно повторяющимся предлогом *В* с предложным падежом (*в воде, в саду, в пруде, в небесах, в юности*) и с винительным (*в селенье, в дом*): *Ту звезду, что качалась в темной воде / Под кривою ракитой в заглохшем саду, – / Огонек, до рассвета мерцавший в пруде, / Я теперь в небесах никогда не найду. / В то селенье, где шли молодые года, / В старый дом, где я первые песни слагал, / Где я счастья и радости в юности ждал, / Я теперь не вернусь никогда, никогда.*

IV. В русском языке имеет широкое распространение пространственная метафора. Пространственная модель как универсальная используется, по нашим наблюдениям, во всех метафорических типах (Телия, 1996, 142–146), лежащих в основе идиом русского языка: идентифицирующем (*бок о бок, под боком, под рукой, под носом, не за горами* и др.); концептуальном (*приходить на ум, приходиться в голову, крутиться в голове, заглянуть в душу* и под.); образном (*уйти в окопы, выйти из окопов, идти в атаку, отсиживаться в закутках* и т. д.) типов. Среди получивших распространение в постперестроечное время в русской публицистике фразеологизмов, отмеченных В.Н. Телия (1996), многие основаны именно на пространственной метафоре: *уйти в окопы, выйти из окопов, уйти в кусты, за бугром*. На пространственной метафоре основано и большинство из рассмотренных выше фразеологизованных выражений, характерных для русской речи. Сопоставительный анализ русского и болгарского материала показывает активность в русском языке фразеологизмов пространственных моделей, в болгарском материале в случаях расхождений находит выражение характер протекания действия. Ср. примеры, взятые из *Русско-болгарского фразеологического словаря* под редакцией С. Влахова (1980): *быть за бортом – изхвърлен съм; взлететь на воздух – да бъда взривен; взять с места – тръгна, петегля рязко, изведнъж; сдвинуть с места – размърдам някого; сдвинуться с места – размърдам се; как в воду опущенный – както попарен* и т.п.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В своих системах языки отражают когнитивную оценку реальности, но в них могут доминировать разные аспекты оценки. Русский язык в совокупности своих выразительных средств фиксирует внимание на пространственной картине мира с максимальной экспликацией и детализацией реальных предметно-пространственных отношений, содержащихся в ситуации. Данная особенность должна учитываться в теории и практике преподавания русского языка как иностранного. Выявленные на русском и болгарском материале различия в языковой интерпретации пространства могут объясняться как внеязыковыми, так и собственно языковыми факторами – особенностями системных свойств языков, их лексико-грамматическими ресурсами и типологическими характеристиками.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Апресян, Ю.Д. (1995). *Интегральное описание языка и системная лексикография*. В: Ю.Д. Апресян. *Избранные труды*. Том 2. Москва: Языки русской культуры.
- Арутюнова, Н.Д. (1976). *Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы*. Москва: Наука.
- аспекты*. Москва: «Школа русской культуры».
- Български национален корпус*, <http://www.search.dcl.bas.bg>, доступ: 11.02.2022.
- Влахов, С. (1980). *Русско-болгарский фразеологический словарь*. Москва: Русский язык; София: Наука и искусство.
- Карпенко, Л.Б. (1984). *Способы выражения локальности в русском и болгарском языках*, *Съпоставително езикознание*, 1, 20–28.
- Карпенко, Л.Б. (1988). *Соотношение предлогов горизонтальной ориентации в русском и болгарском языках*, *Съпоставително езикознание*, 6, 13–17.
- Национальный корпус русского языка*, <http://www.ruskorpora.ru>, доступ: 28.12.2022.
- Теля, В.Н. (1996). *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: «Школа русской культуры».
- Уорф, Б. (1960). *Наука и языкознание*, *Новое в лингвистике*, 1, 169–182.
- Эверетт, Д.Л. (2016). *Не сти – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей*. Сост. А.Д. Кошелев. Москва: Издательский Дом ЯСК.
- Humboldt, W. (2019). *Linguistic Variability and Intellectual Development*. University of Pennsylvania Press.
- Sapir, E. (1921). *An Introduction to the Study of Speech*. New York: Harcourt, Brace.

- Arutyunova, N.D. (1976). *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy*. Moscow: Nauka.
- B''lgarski natsionalen korpus*, <http://www.search.del.bas.bg>, accessed: 11.02.2022.
- Everett, D.L. (2016). *Ne spi – krugom zmei! Byt i yazyk indeitsev amazonskikh dzhunglei*. Sost. A.D. Koshelev. Moscow: Izdatel'skii Dom YaSK.
- Humboldt, W. (2019). *Linguistic Variability and Intellectual Development*. University of Pennsylvania Press.
- Karpenko, L.B. (1984). *Sposoby vyrazheniya lokal'nosti v russkom i bolgarskom yazykakh*, S''postavitelno ezikoznanie, 1, 20–28.
- Karpenko, L.B. (1988). *Sootnoshenie predlogov gorizontal'noi orientatsii v russkom i bolgarskom yazykakh*, S''postavitelno ezikoznanie, 6, 13–17.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka*, <http://www.ruskorpora.ru>, accessed: 28.12.2022.
- Sapir, E. (1921). *An Introduction to the Study of Speech*. New York: Harcourt, Brace.
- Teliya, V.N. (1996). *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticeskii i lingvokul'turologicheskii aspekty*. Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury».
- Uorf, B. (1960). *Nauka i yazykoznanie*, *Novoe v lingvistike*, 1, 169–182, <https://doi.org/10.3406/bude.1960.3893>.
- Vlakhov, S. (1980). *Russko-bolgarskii frazeologicheskii slovar'*. Moscow: Russkii yazyk; Sofiya: Nauka i izkustvo.

